

ВАЛЕРИЯ ЖАКАР

SEX²¹ SEX

Валерия Жакар

Sex 21

«Автор»

2013

Жакар В.

Sex 21 / В. Жакар — «Автор», 2013

Короткие легкие тексты про секс, взросление и способы легко пережить мужской климакс. Рецепты преодоления посткоитальной депрессии, методики поиска смысла жизни до и после сорока. Развод, обмороки, одержимость, ожидание возмездия и значение синатропных организмов в выборе партнера. Неуклюжесть живых женщин и навигатор с ранимой душой. Нападение в лифте и девичья честь как меняющаяся ценность. Любовь без смысла, жизнь без пощады, страсть без снисхождения. Красивая лаконичная проза. Никакого постмодерна, без кокетства, для чтения в очередях, самолетах и на работе.

© Жакар В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Предисловие	5
Кома	8
Муха	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валерия Жакар

Sex 21

Предисловие

В Вену я приехал на бал. Работа такая. Даже смокинг себе купил. А накануне бала брел, кутаясь в пальто, по улице. Вижу – идет девушка моей мечты (если судить по внешним данным), на меня, естественно, не смотрит, витрины разглядывает: очень я ей нужен – турист в пальто.

Мы уже разминулись, и вдруг я понимаю, что вообще-то мы с этой девушкой знакомы. Даже очень хорошо знакомы (так, попрошу без пошлостей, вам еще предстоит оценить высокий характер наших отношений). Просто очень давно не виделись. А вы ведь, наверное, знаете, что если долго с кем-то не видется в Москве, то лучший способ повстречаться – уехать куда-нибудь за границу. Вот как раз на эту тему мы и пошутили первым делом, когда я девушку окликнул.

Сели в каком-то умеренно фольклорном ресторане, заказали Россбахер и принялись рассказывать. А там было что вспомнить и рассказать друг другу, поскольку не виделись мы и вправду давно, а история эта начиналась в одна тысяча девятьсот восемьдесят...

В общем, в конце прошлого века.

Я в ту пору работал обозревателем «Комсомольской правды». И была у меня мечта: очень мне хотелось опубликовать в газете заметку, в заголовке которой было бы слово «промискуитет». И добился-таки я своего: вышла моя заметка с заголовком «Лето – пора промискуитета». Так что программу я, можно сказать, перевыполнил: еще и в рифму получилось. Заметка имела шумный успех, я чуть было не прославился.

И вот именно в это самое время приходит к нам в редакцию девочка. Позвольте сэкономить на эпитетах, да и не силен я по части описания женской красоты. Скажем так: это была очень красивая девочка. В меру застенчивая, но это не помешало ей слету спросить меня: «Так это вы про промискуитет написали? Научите меня чему-нибудь, я к вам на стажировку пришла».

Мне это все показалось милой шуткой, но отказывать девочкам – неправильно, поэтому стажировка началась. Я коллегам все объяснил просто: хочу, дескать, возродить традиции наставничества и т. д. И даже когда с мамой девочки однажды встретился, так ей и представился: «Я наставник вашей дочери» (маме, судя по всему, полегчало, когда она поняла, что я не ухажер). Учить мне девочку было решительно нечему, она оказалась бойкой и смысленной, но общаться с ней нравилось. Я прекрасно понимал, что ни в какую журналистику она не пойдет. А вот поди ж ты – ошибся.

Девочка окончила журфак МГУ. Потом уехала во Францию. Там училась в Сорбонне, снималась в сериалах, была моделью (я же говорю, это красивая девочка). Потом вернулась в Россию, работала на телевидении, пошла учиться на высшие режиссерские курсы, писала сценарии. Это все я узнал от нее много лет спустя, когда мы сидели в венском ресторанчике и весело напивались, предаваясь воспоминаниям.

Мы договорились встретиться в Москве. Один раз даже встретились, потом опять перерыв в несколько лет. Я читал ее интервью про любовь и секс в журнале FHM. Разворот «Все без ума от Леры», долгая была рубрика, около четырех лет выходила. Я-то от этих текстов точно был без ума, мне импонировали новые для меня качества в молодом авторе: здоровый цинизм, чувство юмора и профессиональный задор. Но тут, сами понимаете, примешивались личные мотивы: чуть было на полном серьезе не ощутил себя наставником юного дарования, еще и

удивлялся, откуда столь богатый опыт в таком-то возрасте (она мне в ту пору по-прежнему девочкой казалась, несмотря на ее замужество и развод).

Прошли годы. Звонит: «У меня книжка выходит. Напишешь предисловие?» Я: «Как книжка называется?» Она: «Sex 21». Ну, понятное дело, при таком-то наставнике.

Я, признаться, не люблю, когда женщины на подобные темы пишут. Это обычно салонные дуры с цирковым макияжем, норовящие на светских приемах сфотографироваться на пресс-волле и попасть в модный блог, которые пишут примерно так: «он вошел в меня нежно, и в тоже (тоже – слитно) время страстно, рыча, словно дикий не обузданный (не обузданный – раздельно) зверь». А мораль, заключенная в каждом их сюжете, уныла, как совет сексолога: «хочешь быть счастливой – полюби себя».

В этом смысле книга «Sex 21» совершенно аморальна. Никаких нравоучений, просто констатация, детальная и четкая, как в фотоснимке. Есть, правда, некоторые признаки мелодраматического дидактизма в рассказе «Опоздание», но признаки легкие, не раздражающие. Если вы женщина – для контраста сразу же прочитайте «Интервью № 1», там все гораздо веселее. А если мужчина – то «Муху», там все еще жестче и форма повествования оригинальная. Если всплакнуть – то «Дневник десяти дней», а если посмеяться – то «Девушка из коробочки».

А вообще про мужчин самое интересное и точное – в рассказе «Любовь 21». Это истории об одиночестве, расставании, предательстве, зависимости, мечте, желании, счастье, привязанности и страсти. И главное – заканчивается всегда жизнеутверждающе: освобождением, прогрессом, духовным ростом, короче – добро побеждает зло. Важно, что герои, пройдя через сложности, недуги и обман, в итоге получают свободу и просветление. Нет рассказов с плохим концом, и это воодушевляет.

Десять разных, совсем не похожих историй – от детектива и маркиздесадовской куртуазности до романтической комедии с зошеновским прищуром, каждая – это жизнь, характер, ситуация и главное – эмоция. Кстати, и секса в книге достаточно. Во всевозможных вариантах, и даже промискуитет встречается. Я, сами понимаете, в слезах умиления.

Судя по всему, теперь нам с Лерой снова предстоит разлука на долгие годы. Но это ничего. Теперь у меня есть ее книга. А у нее – мое предисловие к ее книге.

Леонид Захаров

Кома

Согласно моему другу, доктору Мишелю Пинсону, в настоящее время признано существование трех видов комы:

Кома 1: псевдокома. Сознание отсутствует, но пациент реагирует на внешние раздражители. Может продолжаться от тридцати секунд до трех часов.

Кома 2: пациент более не реагирует на внешние раздражители, например, щипки или уколы. Может продолжаться до одной недели.

Кома 3: глубокая кома. Прекращение всех видов деятельности. Начало разрушения головного мозга.

Б. Бербер, «Танатонавты»

Лена и Митя разводились по-взрослому, цивилизованно, без скандалов и истерик. Они сидели в ЗАГСе друг напротив друга и ждали своей очереди на подачу заявления. Он держал перед собой газету, а она болталась взглядом по периметру комнаты. Рядом тучная женщина в очках, похожая на Нонну Мордюкову, нервно поглядывая на часы, ждала свою половину, чтобы отторгнуть ее. Она занимала полтора стула. Вот, пошатываясь, явно под градусом, из коридора выплыл щуплый мужичок в тренировочных штанах с вытянутыми коленками и смиренно уселся рядом с супругой на оставшуюся половину стула. Она сверкнула на него глазом. Мужичок скорчил виноватую гримасу, волнами распространяя вокруг винные пары. Мордюкова страдальчески закатила глаза. Первыми в очереди шли усатый дядя с животом, как у давно беременной женщины, и растрепанная блондинка, похожая на цыпленка. Усатый еще ближе придвинулся к двери с надписью: «Регистрация актов гражданского состояния. Расторжение брака» и замер, как скала. Блондинка бросила испуганный взгляд на дверь и плотнее придвинулась к мужу. Руки ее не могли успокоиться: она теребила ручку сумки, подол плаща, принялась крутить кольцо на безымянном пальце, потом схватила за белесый хвостик, разделила его надвое и потянула концы в разные стороны. Ее волосы затопорщились еще больше.

Дверь распахнулась, и новображденные вышли оттуда, как из чистилища. Усатый дядя с животом степенно поднялся, загребая с собой жену-цыпленка. Она вздохнула и с мольбой, словно стоя перед пропастью, тихо спросила:

– Петь, может, еще подумаешь?

Его лицо скривилось, как у обиженного ребенка, и он твердо нажал на ручку двери. Пара исчезла в недрах комнаты.

Лена сидела напротив своего будущего бывшего мужа и старалась сохранить отсутствие выражения лица. Митя хладнокровно читал газету и ни разу на нее не взглянул. «Неужели он тоже может спросить, не передумала ли я? Вдруг спросит? Вряд ли. Он гордый. Он скорее удушится, – подумала она. – А я? Подойти к нему сейчас, обнять, попросить забыть все, как страшный сон, умолять, рыдать, валяться у него в ногах всем тут на потеху...» – Лена наблюдала, как ее муж шелестел страницами.

«Никогда не сделаю этого, хотя бы потому, что я этого не хочу. Кого из них я люблю – теперь поздно думать. Неужели он и вправду читает эту дурацкую газету? Ему действительно все равно? Все-таки у него нет сердца. Я всегда говорила, что он бездушный робот».

Митя краем глаза поглядывал на жену и думал: «Почему она так спокойна? Даже улыбается. Неужели ей элементарно не стыдно? Пялится на меня, может, хочет поговорить? Вряд ли. Скоро это закончится. Не думай о ней. Не будь тряпкой. Никто не может поступать так с тобой, даже она. Никто. Надо отвлечься, подумать о работе. Менеджер Сунцова довела окончательно. Еще одна ошибка – и я вышвырну ее без всяких компенсаций. А этот придурок Кондрашов – в суд собрался подавать. Я удивляюсь, ну как можно быть таким идиотом. Придется

время на него тратить. Все равно проиграет. Пусть спасибо скажет, если в живых останется. Надо Синцовых в гости позвать, сделаем наш фирменный салат с семечками, баранью ногу можно запечь в духовке. Черт, какой салат, какая нога? Ее больше нет. Нет твоей Лены. Пойми ты. Ее нет. Она умерла. Не веришь? Смотри, вот кладбище, там, возле могильной ямы, полно народу. Она умерла молодой, ее гроб весь в белых цветах. Многие плачут. Тут ее мама с бульдозером Жулей, обнялась с моей. Обе тихо всхлипывают, стараются держаться. Даже ее отец появился. Такое событие, сейчас не до семейных дразг. Вижу ее нескольких старых дружков. Что они тут делают? Это мои похороны, наши семейные похороны, я их не приглашал. Ладно, пусть стоят, раз пришли. Гроб я выбрал элегантный, не слишком вычурный, но дорогой. Ей бы понравился, у нее был хороший вкус. Хотел похоронить ее в том колье, которое я подарил ей в день нашей свадьбы, но побоялся. Мало ли... На пальчике блестит только маленькое обручальное колечко... Я так долго его искал, именно то, которое она хотела. Ее размера, конечно, не было, пришлось уменьшать. Белые тонкие руки аккуратно покоятся на шелке. Даже в день свадьбы она не была такой красивой... А это кто там, в толпе, прячется за деревом? Это он? Зачем он пришел, он что, не понимает, это из-за него она умерла! Это просто хамство – появляться в такой день. Что ему надо? Ее? Так ее уже нет. Разрушай жизнь кому-нибудь другому...

«Это для тебя ее нет, а для меня есть!» – нагло заявляет этот недоносок, этот подонок, разбивший мою семью, мое счастье, мою единственную любовь. Что ты сказал? Тебя здесь вообще не должно быть! Это мои похороны, я их представил, а тебя не существует». Митя дернул головой, желая поскорей избавиться от ненужного видения. «Надо взять у нее рецепт салата и бараньей ноги, пока не развелись окончательно. И Синцовых я все равно приглашу. И сам все приготовлю. Ей назло», – Митя, демонстративно шурша, перевернул страницу газеты и заинтересованно уставился в новые квадраты текста.

Пытаясь отвлечься, Лена изучала выдержки из Гражданского кодекса на стенах приемной. Оказалось, что мужчина не может развестись с женщиной, пока она беременна. Еще выяснилось, что после развода паре дается шанс: если в течение двух месяцев они передумают, они не будут считаться разведенными. Есть время подумать. Может, это их с Митей шанс...

Дверь распахнулась, и грузный мужчина с беременным животом выволок из комнаты женщину-цыпленка с покрасневшими глазами. Они ушли вместе. Возможно, цыпленку удалось его смягчить?

Мордюкова отблеском очков пригласила супруга проследовать за ней. Муж, в последний раз обдав присутствующих винными парами, обреченно поднялся.

Лена взглянула на Митю, пытаясь подслушать его мысли. Митя старался больше не думать. Он не мог дожидаться, когда его отпустят отсюда, когда он сядет в машину и уедет из этой жизни. Он знал, что дальше будет только хуже, дальше придется все это забывать. И соляные разводы моря между золотистых волосков на ее теле,

и сладкие стоны, и салат с семечками, и нежность сплетения рук, и смех, бессмысленные обиды и долгожданные примирения, и фотографии на стене в спальне, и запах сосновых шишек от ее волос, и умиротворяющее ощущение тепла рядом. У него больше нет семьи, маленькой, но дорогой ему семьи, которую не заменить. Никем. Можно только ампутировать, как руку.

«Конечно, я не умру без нее, – пытался трезво размышлять Митя. – Я сильный, она это прекрасно знает. Я умею вычеркивать из жизни людей, умею. Но чего это будет стоить? Какая разница, у меня нет другого выхода. А может, есть? Она смотрит. Может, все-таки хочет поговорить, попросить прощения? Она так ни разу и не попросила у меня прощения. Я бы простил. Наверное».

Лена не хотела и боялась говорить. С нее хватило решений. Свое решение она вроде как приняла. «Разве мне было плохо с ним? – отстранение подумала она, разглядывая четыре Митиных пальца с каждой стороны газеты. Митя заерзал, Лена опустила глаза: ноги Мити в

джинсах и серых ботинках, как обычно, смешно косолапились. Она на секунду улыбнулась, но сразу опомнилась и отвела взгляд. «Он всегда был уверен в том, что делает. У него все есть: деньги, работа, он – главный. Он состоялся. А я кто? Я его жена. Домохозяйка. Хуже быть не может. Он не давал мне шанс. Он подавлял меня», – продолжала думать Лена, пытаясь оправдать свою измену.

Митя оторвался от газеты и посмотрел на часы. Через полчаса у него встреча в офисе. Сколько еще ждать? Мысли невольно вернулись к Лениному предательству: «Как она могла, как нож в спину всадила! Чем я это заслужил, я любил ее, жил для нее. У нас было все хорошо, все друзья нам завидовали. У нас был секс, хороший – регулярно».

Дверь резко открылась, из комнаты выплыл тщедушный алкаш, за ним выросла крупногабаритная бывшая супруга. Мужик улыбался в пустоту, вынимая пачку «Примы» из кармана треников, а на лице Мордюковой застыла печаль.

– Ну, это самое, я пошел, – промямлил мужичок и исчез. Мордюкова, охая, принялась перекладывать что-то в авоське, нашла платок и громко высморкалась.

Подошла очередь Лены и Мити. Он в первый раз прямо взглянул на будущую бывшую жену. Лена продолжала сидеть, как приклеенная. Из дверной щелки сочился белый свет. Митя аккуратно сложил газету вчетверо, оставил ее на стуле, открыл дверь и остановился, пропуская Лену вперед. Лена поднялась, как сомнамбула, автоматически поблагодарила, как будто он придержал для нее дверь в подъезд, и вошла первая. Дима закрыл за собой дверь. Спустя 15 минут они вышли из ЗАГСа и молча двинулись по тропинке вдоль серых пятиэтажек.

– Ну, я пошел, пока.

– Пока.

Дима развернулся и направился к машине. Она смотрела ему вслед, пытаясь сконцентрироваться.

– Мить, – позвала она, но он не обернулся.

Лена побрела к машине, наблюдая за носками своих лодочек. Они отсвечивали голубым лаком: левая, правая, левая, правая, левая. Внезапно ее сознание отключилось. Ощущение тела потерялось, растаяло, пространство сложилось вчетверо, как Митина газета. Лена очнулась на земле, на той же тропинке возле ЗАГСа. Тщедушный мужичок, бывший супруг Мордюковой, неловко поднимал ее одной рукой, держа бычок от сигареты в другой.

– Вы, дамочка, того, чего валяетесь? – спросил он, видимо, надеясь встретить родственную душу собутыльника.

– Не знаю, – честно ответила Лена. Ее руки и пальто испачкались. Голубая лодочка следа и лежала в пыли. Мужичок неловко попытался надеть на нее туфлю, как принц-неудачник Золушке. Лена глотала воздух, пытаясь вернуть ощущение реальности.

– Я, если че, свободен, – сообщил мужичок, видимо, намекая на свой недавний развод.

– Сесть надо, – выдавила Лена и сама удивилась странным звукам, которые произнес ее рот. Мужичок понял и поволок ее к троллейбусной остановке, где была скамейка.

– Вот тут, дамочка, отдышитесь, – сказал мужичок. – Может, столик на пиво, а?

Лена вперилась в него непонимающим взглядом, мужичок понял, что дамочка не в себе, и, оставив ее на остановке, направился к ларькам возле метро. Лена пыталась осознать, что значил набор звуков, исходящих от мужичка, кто она сама и зачем вообще все. Она растопырила пальцы и уставилась на них с удивлением. Недоверчиво поскребла ногами по асфальту, пытаясь оценить ощущения. Подъехал троллейбус, несколько кучек людей, как кусочки пластилина, смешались и влились общим потоком в открывшуюся пасть. Лена сощурилась: пластилин растекся и потерял контуры. Дверь троллейбуса выдохнула и захлопнулась. Лена откинулась на скамейку и попыталась сфокусировать взгляд: она всматривалась в движение прохожих, машин и никак не могла вернуть прежнее изображение. В левом глазу мерцало огромное пятно и мешало видеть. Она точно заостенела, а все, что попадало в поле ее зрения, приобретало

причудливые формы и краски: люди расслаивались на кубические сегменты, как хамелеоны, переливаясь фиолетовым и зеленым. Проехал автобус, протянув за собой оранжевую и желтую полосы. Картина делилась пополам двумя окружностями: реальная по краю, а центр – вибрирующий, живой, дышащий. Она пошевелила пальцами и нажала на брови. Неужели она потеряла сознание? Лена сделала над собой усилие и вытащила телефон из кармана пальто. Потыкала пальцами в экран. Через некоторое время ей удалось набрать номер.

– Мне плохо, – промямлила Лена не своим голосом. Возле ЗАГСа. Тут транспорт ездит. Забери меня, я не могу сейчас сама. Я тут посижу.

Лена, как собачка, наклонила голову набок и стала наблюдать. Изображение перед глазами стало похоже на рисованный мультик. Все покрылось разноцветными штрихами. Время от времени глаза застилала серая полоса, за которой, как после затемнения в кино, вспыхивал новый сочный кадр. Пешеход перебегает улицу, оставляя за собой малиновые брызги, и исчезает в недрах автобуса. Вспышка. Ребенок отрывается от руки матери, падает на мягкий мучнистый асфальт и в безголосом крике открывает рот. Вспышка. Печальная женщина-птица меняет синюю связку бананов на лиловую. Вспышка. Звук не доходил до Лениного сознания – она продолжала наблюдать немую, безумно окрашенную картину. Наконец он приехал. Посадил ее рядом, опустил сидение, чтобы ей было удобно. Сел за руль.

– Тебе плохо? – озабоченно поинтересовался он и попробовал рукой ее лоб. – Тебе холодно?

– Не знаю, – ответила Лена. Она все еще смутно осознавала, что с ней произошло. Слова доносились гулко, издалека.

– Тебя отвезти к доктору?

Как Лена ни пыталась, ей не удалось воссоздать ассоциацию, обозначающую поход к доктору.

– Не надо, – ответила Лена, потому что других вариантов ответа представить не смогла.

– Куда ты хочешь?

– Не знаю.

«Кажется, это я уже говорила», – вспомнила Лена.

Он замолчал. Они выехали на шоссе.

– О! Хочешь суши? – с надеждой спросил он, как будто это был самый легкий вопрос на экзамене.

Лена мучительно пыталась объяснить себе, что такое суши, но ее мозг не слушался.

– А что такое суши?

– Ты серьезно?

– Да. Не могу вспомнить...

Он бросил на нее тревожный взгляд.

– Ты обожаешь суши.

– Я?

– Тебе надо к врачу.

– Нет, не надо, поехали, сейчас пройдет... Суши...

К Лене постепенно возвращалось зрение, разноцветные хвосты престаи тянуться за транспортом. Сознание вновь запускалось. Внезапно, как в телевизионный кадр, в поле зрения въехала знакомая машина. Номер 969, его номер, внутри защемило, сердце подпрыгнуло. За рулем, точно часть ее видений, бывший муж. Митя тоже заметил жену, повернулся влево, притормозил. Он двигался параллельно, наблюдал за соседней машиной и ужасался. «Боже, как гадко, только что мы были мужем и женой, и вот этот подонок уже рядом с ней, как будто так и должно быть. За рулем автомобиля, который я, между прочим, ей подарил. Низость. Конечно, дело сделано, чего ей теперь прятаться. Теперь она разлеглась на сиденье, и они, наверное, смеются и обсуждают сегодняшний фарс, этот идиотский развод. Неужели она никогда меня

не любила?» – Митя горько усмехнулся и заметил, как Лена покачала головой, уловив его ироничный взгляд. Она попыталась что-то произнести, но осеклась и прикрыла рот ладонью. Митя поднял большой палец вверх, давая понять, что оценил ее оперативность, и нажал на газ. Какое-то время Лена молча вбирала в себя несущийся навстречу город. Ритм в груди постепенно замедлился, она узнала очертания знакомых зданий на Литейном. Реальность снова влилась в Ленино тело. Ей захотелось есть, и она вдруг сообразила, что такое суши. Да, суши – комочки риса с рыбой, она точно помнила, что обожает суши. Тогда, в ту самую минуту, Лена и Митя по-настоящему развелись.

Санкт-Петербург, 2006

Муха

*Какой страшной властью меня к вам влекло? Что это было?
Тяготенье слабого к сильному? Падающего к восходящему?
Или то была любовь? И это – любовь?
Да знаете ли вы, что такое любовь?*
Август Стриндберг, «Фрекен Жюли»

На его руке под синей татуировкой в виде дракона белеют шрамы от неудачного суицида. Я стою у него за спиной, но ему пофиг. Он щурится на лист картона с акварельными разводами. Аккуратно держа кисточку, болтает ею в банке с сиреневой водой и проводит по акварели. Кисть касается листа – на картоне проступают контуры мужской фигуры. Краска течет, картина становится мокрой – кажется, идет дождь и персонаж промочил ноги. Он выводит четкие линии одной кисточкой, потом откладывает ее и берет другую, еще более тонкую. Облизывает ее, дотрагивается до краски – и на рисунке появляются мельчайшие детали: стрелки на часах, складки на брюках, морщины возле глаз. Я наблюдаю из-за его плеча, как острый кончик кисти жалом ложится на его язык, и мне хочется, чтобы он перестал рисовать и трахнул меня.

Он замирает, хмуро оглядывается, как будто только заметил, что я тут.

– Хочешь сок?

– Хочу.

– Не стой за спиной – не могу сосредоточиться.

Кисть булькает в воде, он выходит на кухню, заглядывает в холодильник, наливает сок в две белые чашки.

– Держи.

– Спасибо.

Беру чашку обеими ладонями и пью.

Он затыкает уши наушниками и опять растворяется в картине.

Я открываю форточку, плюхаюсь на диван, беру книжку «Молот ведьм» и делаю вид, что читаю.

В комнату влетает навозная муха. Большая и тяжелая, она нагружена чем-то гадким и едва летит. Мрачно жужжа, муха принимается описывать круги, пытаясь подняться к потолку. Ее жужжание одновременно раздражает и успокаивает.

Сегодня мне приснился черно-белый клоун, который вдует в мой рот через дудочку светящийся порошок. Во сне у меня длинные волосы. На самом деле теперь они у меня короткие – я подстриглась, потому что Максиму так больше нравится. Я думаю, черно-белый клоун – это Максим, а порошок – это моя зависимость от него. А может, нет – просто вариант трактовки.

Я расскажу про этот сон Максиму, сейчас подберу слова, сформулирую, чтобы не запинаться и не выглядеть глупо, и расскажу, когда он дорисует. Я хожу к нему почти год, и каждый раз сценарий примерно одинаковый: я читаю или смотрю на него, он рисует и слушает музыку, потом мы трахаемся, засыпаем, на следующее утро опять трахаемся, и я ухожу до его следующего звонка. Я никогда не знаю, о чем с ним говорить. Сегодня мы сказали друг другу всего пару слов.

Муха – ворсистая, черная – болтается по комнате, ее жужжание усиливается при столкновении с предметами. Неприятный, монотонный звук.

Пытаюсь вспомнить, как попала в эту квартиру в первый раз.

Это произошло больше года назад. Точнее – 16 мая. Я ехала домой с Охотного ряда на Юго-западную. На Кропоткинской в вагон зашел высокий парень в зеленых джинсах. Сел напротив. Я следила за ним исподлобья. Коротко стриженный, в ушах наушники, на ногах салатные кеды. «Размер 45, не меньше», – подумала я. Невозможно было оторвать взгляд от его рук – они гипнотизировали меня четкостью движений, брутальной грацией. Его пальцы двигались в такт музыке, точно щупальца осьминога. Он аккуратно положил ладони на малиновый рюкзак «Джане Спорт» и замер. Я исподтишка наблюдала за ним. Из-под куртки на запястье выглядывала темная татуировка. Он резко посмотрел на меня, я смутилась и отвела взгляд. Он перевел на одну сторону две застёжки рюкзака, потом пересел ко мне и спокойно сказал:

– Привет.

– Привет, – ответила я.

Мы вместе проехали одну станцию, он сообщил, что он художник, едет домой на Фрунзенскую.

– Максим, – сказал он.

Пока я проигрывала в голове кокетливые фразы о том, что не даю телефон незнакомым парням, он вытащил из рюкзака маленький желтый стикер, написал семь цифр, наклеил его на указательный палец и протянул мне.

– Мы снимаем ролик до завтра. Потом буду отдыхать. Звони послезавтра, – сказал он и вышел на Фрунзенской.

Двери закрылись, его силуэт пронесся мимо, а я сказала: «Ага, сейчас, позвоню». Я всегда считала, что в метро знакомятся одни придурки и неудачники.

Не знаю, что произошло, но этого «послезавтра» я ждала, как месячных после секса с бывшим. Я вспоминала его пальцы, прямые и длинные, как карандаши. Раздираемая мучениями самолюбия, я все-таки решила позвонить: из автомата, в целях конспирации. Я добрела до бесплатного таксофона рядом с метро. Достала бумажку: у него прикольный почерк – четверка красивая, сразу видно – художник. Несколько гудков: сердце колотилось. Еще гудки. Не берет трубку. Он же сказал: «Звони послезавтра». Я представила себе, как он трахается, слышит звонок, но не подходит, а наоборот, его это возбуждает, и он кончает.

С этого момента я каждый день звонила ему с разных телефонов. С каждой попыткой я чувствовала себя все более глупо. «Завтра наберу в последний раз», – решила я.

На следующий день на факультете я попросила у подружки телефон и снова извлекла желтую бумажку из сумки. Вид у нее был потасканный, на клейкой полоске собралась пыль. В трубке раздавались бесконечные гудки. Гудки. Вдруг я услышала голос. Тягучий, медленный. «Алло», – сказал голос, не слизнявое «алле», а твердое «алло». Сердце выпало из груди и раскололось, как рюмка. Черт, что говорить? Может, он вообще меня не помнит? Он даже не знает, как меня зовут.

– Привет. Это Лена, помнишь, мы в метро познакомились... – промямлила я.

– А, привет. Сегодня первый день беру трубку. Съёмки затянулись. Снимали круглые сутки. Вот отдыхаю, – устало сообщил он, как будто был уверен, что я звонила ему все эти дни, как дура. Что он о себе вообще думает?

– У меня сегодня рано занятия закончились, вот нашла твою бумажку и решила позвонить... Так просто...

Я не знала, что еще сказать. Он молчал. Было слышно, как он затягивается сигаретой.

– Заходи завтра. Около шести, – наконец предложил Максим.

Мне не нужно было приходить к нему. Хотя тогда я об этом не задумывалась, и ровно в шесть я уже нажимала на звонок его двери. Его однокомнатная квартирка показалась мне симпатичной, хотя сразу было понятно, что она съемная. Паркет елочкой. Старый телик и

диван цвета морской волны в шторм. Советский торшер с плиссированной шляпкой. Краски, кисти, бумага, холсты, краски, картон, карандаши, краски. На стенах – картины, похожие на комиксы про Спайдермена или Бэтмена. Пахло благовониями.

– Все твои? – спросила я.

– А чьи же, – сказал он.

– Вот за эту работу, – он показал на зловеще ухмыляющегося клоуна в зеленых бубенцах, – я получил первый приз на конкурсе комиксов в Берлине.

– А это что?

На столе лежал незаконченный рисунок – мужчина за столом в костюме в окружении оранжевых пузырей.

– Эскиз декорации. Товарищи делают программу на ТВ, попросили помочь.

– Круто.

Он размял папиросу из сине-розовой пачки с надписью «Беломорканал». Мне вспомнились военные фотографии дедушки.

– Будешь?

– Я – нет, спасибо.

Он поднес к губам папиросу, наклонился над мусорной корзиной, резко дунул: табак шуршащей струей влетел в смятые бумажки. Он очистил от полиэтилена небольшой зеленый комочек, сплюснул его линейкой и разрезал канцелярским ножом, как будто делал нейрохирургическую операцию какому-нибудь насекомому. Взял сигарету Парламент, выкрутил из нее табак и смешал с зеленой крошкой. Папироса в его руках смотрелась так же элегантно, как, например, кисть или монокль. Он чиркнул спичкой, затянулся, держа косяк прямыми выгнутыми вверх пальцами, и протянул мне. Я вдохнула дым, горло стянул едкий спазм, я закашлялась.

– В себя, по чуть-чуть, – сдавленным голосом посоветовал он.

Я задержала дыхание. Он воткнул провод в айпод и нажал на кнопку пульта. Появилась музыка. Звук струился из колонок, вливаясь в комнату, как вода.

– Мне надо рисовать, завтра работу сдавать. Хочешь, ложись здесь. Все равно я до утра спать не буду.

Он придвинулся к столу и забыл про меня. Я откинулась на диване и закрыла глаза. Музыка в моей голове выстроилась в четкую кристаллическую структуру, ее можно было изобразить формулой. Она раскладывалась на слои, которые сворачивались цветными коврами, поочередно перетекая в мозг и смешиваясь там, как в банке на столе Максима, в искрящуюся краску. Меня закрутил водоворот, и я провалилась в эту тягучую многоцветную субстанцию.

Я приоткрыла глаз и поморщилась – было часов шесть утра, слепило солнце. Рядом, опершись на локоть, лежал Максим и сверлил меня взглядом.

Я почувствовала, как вторая его рука сжимает мое бедро.

– Блин, солнце в глаза, задерни занавески. Спать хочется.

Я отвернулась и опять уснула.

Когда я снова открыла глаза, он рисовал за столом.

– Привет, – улыбнулась я.

– Привет, – мрачно ответил он, не поворачиваясь.

Я пошла в ванную, вернулась и опять попыталась завести разговор.

– У тебя есть поесть чего-нибудь? Яичница хотя бы?

– Нет.

– Ну ладно, я пойду тогда.

– Дверь захлопни.

Стоя в недоумении на лестнице, я сообразила: он злится, потому что я ему не дала. «Так откровенно высказывать недовольство и еще чувствовать себя правым! – возмутилась я. – Я что, должна была? Да пошел он!»

Вечером я обнаружила, что забыла кольца в его ванной. «Все равно не буду звонить», – подумала я, заводясь. Мог бы сам позвонить. Из вежливости. Просто предложить отдать мои вещи. С каждым днем мое раздражение нарастало, несколько раз я даже хваталась за телефон, но заставляла себя отложить трубку. Спустя пару недель обида пошла на убыль. Я мысленно похоронила свои кольца и Максима вместе с ними.

Прошло больше месяца. Как обычно, я возвращалась вечером из института.

С Библиотеки имени Ленина я доехала до Парка культуры, и тут объявили, что поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны. Я вышла, остановилась посередине у лестницы, облокотилась о кафельную стену и открыла книжку Аристофана – на носу был экзамен по античной литературе.

Читать было лень. Я стала наблюдать поверх книжки за течением людской массы. Люди двигались во все стороны, как молекулы. Я пыталась вычислить порядок в хаотичном движении. Вдруг вдалеке показалась коротко стриженная темная голова, его голова. Она возвышалась над толпой и двигалась мне навстречу.

Я почему-то не удивилась, увидев его, наоборот, мне показалось это нормальным. Я вышла из-под лестницы и поймала его взгляд. Максим подошел ко мне вплотную, грудью я почувствовала его ребра. Из его наушников доносился размеренный бит. Я молча смотрела на него снизу вверх. Он улыбнулся одним краем рта, впился мне в губы и засунул язык между зубами. Мне почему-то захотелось плакать. И стоять так вечно. Человеческая река разделялась на две части, огибала нас, а потом опять сливалась в единый поток.

Я отстранилась и перевела дух:

– Я у тебя кольца забыла.

Он выдернул наушник.

– Что?

– Кольца я у тебя забыла.

– Звони. Приходи. Забирай.

Он шагнул на лестницу, нырнул в течение и исчез.

Конечно, я позвонила и пришла. В квартире ничего не изменилось, только картинки с человеком в оранжевых пузырях уже не было, теперь на столе лежал графический портрет какой-то квадратной женщины с короткой стрижкой.

– Это кто? – спросила я.

– Одна знакомая.

Он сел рядом и поцеловал меня в щеку. Я поняла, что нужно решать: сейчас или никогда. Я помедлила и сделала выбор в пользу сейчас. Я поцеловала его в рот, тогда он резко заломил мне руки и впился в шею. Я дернулась, но высвободиться не хватило сил. Он сжал мои запястья, стягивая с меня джинсы. Я лежала под ним, казалось, он меня сейчас разорвет. Он засунул мне в рот руку и трахал, не отрываясь смотря мне в глаза. Я стонала, вцепившись зубами в его пальцы, он кончил. Я распласталась на диване, неудобно вывернув ногу, не имея сил пошевелиться, а он невозмутимо отодвинулся, застегнул джинсы, вышел на кухню и включил чайник.

– Чай будешь? – спросил он.

– Наверное, да – промямлила я.

Он кинул два пакетика Липтон в кипяток, взял свою чашку и сел рисовать. Все произошло слишком быстро, от волнения и боли я не кончила, а ему, похоже, было все равно. Остаться

он не предложил, и я поехала домой, забыв про свой чай на кухне. В метро было пусто, я сидела в послесексовой задумчивости, представляя, что надена на следующую встречу с Максимом: точно не джинсы, надо надевать юбку и желательно без трусов. Мне почему-то вспомнился его глаз – зеленый с коричневым сектором и родинкой рядом с ним. Странный глаз. Мне хотелось, чтобы он еще раз сделал со мной то, что сделал.

С этого все началось, и я до сих пор не понимаю, как дважды совпали числа в этой рулетке событий. Каков был шанс на эти встречи – сначала в одном вагоне, потом в переходе? Теперь я хожу к нему, и мы трахаемся. Мы почти не общаемся, он просто звонит и говорит, когда прийти.

Максим продолжает рисовать, я делаю вид, что читаю, а на самом деле пытаюсь проанализировать, есть ли что-то позитивное в наших отношениях и есть ли отношения вообще. Зачем я ему? Такой, как он, может позвать любую, и любая сразу окажется там, где он скажет, и будет выполнять все, что он ни попросит.

Жирная муха опять попадает в поле зрения. Она продолжает свой полет по комнате. Вот она делает очередной заход на посадку – безуспешно. Из нее исходит гулкий звук, как из распыляющего удобрения кукурузника, она кажется самым отвратительным и жалким существом в мире.

Тогда было утро субботы, хотя я редко оставалась у него в выходные. Максим пошел в душ. Я выпуталась из скомканного одеяла и растянула красный отпечаток его ладони у себя на бедре. «Будет синяк, – подумала я, – это хорошо, у меня останется что-то на память до следующего секса». Хотелось спать – у него я никогда не могла нормально выспаться. Из ванной доносился звук воды. Зазвонил домашний телефон. Я долго слушала гудки, размышляя, брать трубку или нет. Решила: если еще три раза позвонит – возьму. Через три звонка подняла трубку.

– Алло.

– Алло, – сказал женский голос.

– Алло, – повторила я. С тех пор как мы познакомились с Максимом, я говорила «алло», а не «алле».

– Я, вообще-то, Максиму звоню.

– Он сейчас не может подойти. Перезвоните минут через десять. Может, передать что-нибудь?

– Привет от Насти передайте, – девушка повесила трубку.

Когда Максим вышел из душа, я сообщила, что звонила Настя.

– Можно узнать, почему ты здесь берешь трубку?

– Как-то автоматически, – соврала я.

– Не надо так больше делать.

– Почему? – я решила полезть на рожон.

Он вскинул брови и стал похож на Джека Николсона из фильма «Сияние».

– Дай-ка телефон.

Я покорно протянула ему трубку, и он набрал номер.

– Привет, Котя, привет. Не мог подойти. Это – никто. Приезжай ко мне завтра. Да. Пока.

Он поднял на меня глаза и улыбнулся, как обычно, – уголком рта.

– Это я – никто?

– Ты, – ответил он, – я же тебе говорил, не бери трубку.

Следующие несколько дней он не звонил, а я проводила время, представляя, как он трахается с этой Котей. Как они весело ужинают где-то, он обнимает ее своими прекрасными руками и влажно смотрит на нее зеленым глазом с коричневым сектором и родинкой. Как они

хохочут и засыпают в обнимку. Потом, следуя советам из психологических книжек, я постаралась думать о том, что происходит со мной сейчас, а не о том, что, возможно, делается с другими в прошлом или будущем. «Потому что это существует только в вашей голове» – так там было написано. Это немного подействовало, и я набрала его номер.

Я надела юбку и колготки, хотя стоял ноябрь и было холодно. По дороге к нему я прикидывала, могу ли я, например, взять и не поехать. Просто не прийти. Без предупреждения. Ведь, если разобраться, у меня с ним нет ничего общего, мне с ним скучно. Секс? С кем-нибудь другим тоже может быть секс. Интересно, что он обо мне думает? Думает ли он обо мне вообще? Нравлюсь ли я ему хоть немного? Я продолжала размышлять об этом, сидя в углу дивана цвета морской волны и зажимая чашку горячего чая между озябшими коленками. За окном гудел проспект. Свет от фонаря делил комнату надвое, теплую и холодную части.

Максим поджег косяк и затянулся, сощурившись.

– Что у тебя за прическа, эти кудряшки, челочка, – он посмотрел на меня с какой-то смесью жалости и презрения. – Ты себя нормально ощущаешь?

Я смутилась.

– Вроде нормально. Говорят, у меня красивые волосы.

– Кто говорит?

– Друзья.

– Они тебе врут.

Максим поджег палочку, вставил ее в спину деревянного слоника и полулег на диван напротив меня, согнув ногу. Потом заложил руку за голову и улыбнулся уголком губ, так было всегда, когда он хотел секса. Я придвинулась, села сверху и начала лизать его лицо, как собака. Он скинул меня, навалился всем весом и задрал юбку. Раздался треск рвущихся колготок, их куски так и остались висеть вдоль бедер. Я не могла пошевелиться под его тяжестью. Диван неприятно скрипел. Замерзшие коленки краснели сквозь дырки в колготках, я смотрела в потолок и жалела себя. Он резко остановился.

– Что-то не так?

– Все так.

– Тебе что-то не нравится?

– Нет.

– Не нравится?

– Мне как-то скучно.

Он отодвинулся и стиснул челюсти, так, что выступили желваки на скулах.

– Тебе скучно как-то? – протянул он.

– Да нет, все нормально.

– Значит, хочешь, чтобы было весело...

Он встал и голый подошел к столу. Его кожа казалась матовотемной в свете уличного фонаря.

– Я знаю, что тебя развеселит.

Он подцепил пальцем широкий серебристый скотч и вернулся ко мне.

– Перевернись, – приказал он.

– Я не хочу.

– Хочешь.

Он резко дернул меня за руку и перевернул на живот, схватил за запястья и скотчем стянул руки за спиной. Я завизжала, он зажал мне рот, я почувствовала клейкий запах пластика на губах. Представились сцены из криминального кино, где связывают заложников и заклеивают рот скотчем. Он сел на меня сверху и вошел сзади. Я заметалась от боли, пытаюсь высвободиться.

– Этого хочешь?

Я мотала головой, скуля.

– Все еще скучно? Уже веселей?

Тело мое обмякло, по инерции сотрясаясь в конвульсиях.

Он замер. Дернул скотч с губ. Мое лицо пылало. Он отодвинулся и закурил.

– Сними, пожалуйста, – слезы катились безостановочно.

– Нет, – процедил он, зажав в губах сигарету.

Он обернулся пледом, разложил мольберт и установил на него чистый картон. Я лежала на дурацком скрипучем диване со связанными руками и ревела.

– Развяжи, – всхлипнула я.

– Нет, – он начал рисовать меня, шурша грифелем, переводя холодный взгляд с мольберта на меня, с меня на мольберт, голую, растерзанную, не вынимая сигареты изо рта.

На следующий день я чудесным образом получила «пять» на экзамене по античной литературе. Забавно, мне попался вопрос по Аристофану, которого я читала тогда в метро во время нашей второй встречи с Максимом. Хотелось спать, но настроение было бодрое. В курилке я рассказала подруге о том, что случилось вчера, и, к своему удивлению, вместо осуждения прочла в ее глазах восторг. Я позвонила Максиму, но он не взял трубку. Тогда я отправилась гулять. Зашла в книжный на Тверской, полистала литературу, увидела Стриндберга «Слово безумца в свою защиту». Открыв первую попавшуюся страницу, я наткнулась на фразу: «... она боится меня! Меня, который, как собака, покорно распластался у ее ног, который готов валяться в грязи, целовать ее белые чулки, который остриг свою львиную гриву и теперь носит челку, словно лошадь, который стал подкручивать усы и расстегивать ворот рубахи только для того, чтобы походить на ее возможных любовников!» От прочитанных фраз защекотало внизу живота. Я сразу почувствовала близость с автором, несмотря на то, что он был мужчиной. Я купила книжку, положила ее в рюкзак и зашагала вверх по Тверской в сторону Маяковской. В одной из витрин отразился мой силуэт. Я остановилась. Максим прав, у меня дурацкая прическа, эти ужасные кудряшки, эта челочка...

На другой стороне улицы бликовали окна салона красоты. «Если я подстригусь, может, он оценит», – подумала я. Через час от моих золотых кудрей остался только завиток на затылке. Стрижка получилась совсем короткая. Я улыбнулась своему отражению, от легкости меня охватила эйфория. Моя голова была похожа на золотистый бутон. Я позвонила ему прямо из салона. На этот раз он ответил.

– Привет, Максим, это Лена. (Я почему-то всегда называла его полным именем, назвать его кем-то вроде Макса язык не поворачивался). – У меня для тебя сюрприз.

– Не люблю сюрпризы, – угрюмо ответил он.

– Тебе понравится.

– Ну приезжай.

Моя голова еще лучилась, когда я стояла у него на пороге. Максим открыл дверь и отшатнулся.

– Нравится? – я покрутилась на месте.

– Это ужасно.

– Совсем прямо ужасно? – выжимая улыбку, спросила я.

– Да, особенно этот кошмарный завиток сзади.

– Понятно.

Золотистый бутон завял.

Максим принес с кухни табуретку и поставил ее посередине комнаты.

– Сядь и повернись, – приказал он.

Я села и повернулась. Максим расстегнул мне кофту. Лифчика на мне не было, ему так больше нравилось. Он взял ножницы. Я почувствовала холод на шее. Резкий металлический

скрежет – короткие светлые иглы посыпались мне на грудь. Соски стали твердыми, по коже поползли мурашки.

– Ну вот, так лучше.

Он обошел меня, отстранился и оглядел мою голову, сощурившись.

– Спасибо.

– Ты стала похожа на мальчика.

– Да?

Я опустила глаза, потому что не знала, что еще говорить. Я сидела полуголая, с плеч на паркет мягко, как лепестки, опадали волосы. Он провел пальцами по моей шее, дошел до груди и замер. Грудь точно легла в его ладонь. Он зажал сосок между пальцами, как сигарету. Я прикрыла глаза.

– У тебя помада есть? – спросил он.

– Есть, кажется, в сумке.

– Давай.

– Сейчас.

Я попыталась встать.

– Сиди.

Он сам вытащил из моей сумки розовый тюбик. Я не шевелилась, подставив лицо. Он наклонился и медленно нарисовал мне губы, как будто рисовал. Потом выпрямился и расстегнул пуговицы на джинсах. Его член стоял перед моим ртом. Он улыбнулся уголком губ, большим пальцем размазал помаду мне по лицу, засунул пальцы мне в рот, сжал щеки и притянул к себе.

Я сижу и читаю «Молот ведьм», средневековый свод правил, как распознать ведьму и бороться с ней. Что нужно сделать, чтобы избавиться от боли? Сжечь себя? Интересно, когда он резал себе вены, он тоже хотел избавиться от боли? Не буду спрашивать – все равно не скажет. Он грациозно достает сигарету Парламент из пачки, закуривает. Хочется отрубить его палец и носить на шее, как амулет. А если попросить его нарисовать для меня татуировку. Нарисует? Если сделать такую же, как у него на руке? Он, наверное, разозлится.

По комнате медленно, как уставший ИЛ 86 с сиплыми двигателями, продолжает вращение жирная муха. Что будет, если ее раздавить? Звук – как у лопающегося пластикового пузыря, а из тельца потечет тошнотворный коричневый гной. Взгляд Максима рентгеном проходит сквозь меня, как будто я невидима, он молча встает и уходит в ванную.

Максим не звонил две недели. Я металась без него, как раненый зверек. Он снился мне каждую ночь, и каждая моя мастурбация была посвящена ему. Я вдыхала вещи, которые побывали в его квартире и сохранили ее запах: запах секса и благовоний. Меня бесила моя короткая прическа, я превратилась в озлобленное андрогинное существо: стала агрессивной, оскорбляла всех подряд без причины. Мне доставляло удовольствие обходиться с другими так же, как он вел себя со мной, – это была моя месть человечеству за собственную слабость. Потом я заболела. Завернувшись в одеяло, как в кокон, я сквозь жар разговаривала с Максимом. С тем Максимом, который жил во мне и по-настоящему был моим парнем, я могла обсуждать одежду, учебу, возможную работу, новую музыку или моих друзей, делиться страхами и внутренне хохотать. С этим другим созданным мною Максимом я не чувствовала себя зажатой бедолажкой. Он был как всегда насмешлив, но внимателен и тактичен. Я осознавала, что Максим вселился в меня и паразитирует на моем мозге, но сама была не в силах повлиять на свою зависимость и расстаться с ним.

Утром он позвонил из Питера и просто сказал: «Приезжай, я болею». Этого было достаточно, чтобы через пару часов метаться по Шереметьево в поисках билета, забыв о собственной температуре. Улететь ближайшим рейсом оказалось невозможно. Я добралась до директора

аэропорта и соврала ему, что мой одинокий питерский дядя при смерти. Он нашел для меня билет. Через полтора часа я уже ехала с интеллигентным водителем «шестерки» из Пулково в гостиницу «Аврора».

Я поднималась на советском лифте с треснутым зеркалом. Мое отражение разделилось пополам, я улыбнулась, но улыбка раскололась надвое кривой гримасой. Рядом на стене был приклеен прейскурант одноименного буфета «Аврора» на пятом этаже: шницель, котлета по-киевски, каша гречневая, бефстроганов... Пластиковый квадрат зажегся цифрой четыре.

Я двигалась по коридору, отыскивая номер 435. Каблуки оставляли вмятины в выцветшем ковролине, сердце колотилось. Я подошла к двери и уже занесла руку, чтобы постучать. Из номера доносился разговор. Мужской голос и женский. Мужчина отрывисто бросал реплики, женщина смеялась. Внутри что-то съежилось и закололо. В голове путались обрывки: я в Питере, стою перед его дверью. У него женщина. Зачем он меня звал? Специально. Он хочет, чтобы я умерла прямо здесь. Не буду стучать, не буду заходить. Я опустилась на пол. Спина чувствовала холод стены. Я подняла глаза. Номер 453. Это не его номер, мне нужен 435. В груди, как кувшинка, вновь распустилось обнадёживающее свечение. Я развернулась и поплелась в другой конец коридора. 435. Прислушалась. Тишина. Я поскребла ногтями дверной шпон. Максим открыл, горло его было обмотано шарфом, белки затянула красная сетка лопнувших сосудов, голос хрипел.

- Быстро ты, – прокашлял он и он вяло улыбнулся.
- Час на самолете.
- Заходи. Чай будешь?
- Буду.
- Сделай, ладно? Вот чайник, вот заварка. У меня температура, я в кровать.
- Конечно.

Мы лежали рядом, и мне было наплевать, что у него грипп. Я была рада, что он болеет и у него нет сил на раздирание меня на части. Я обвилась вокруг него, как самка удава, и тихо упивалась счастьем, боясь спугнуть. Максим провел пальцем по моей переносице, по брови, по волосам.

- Лен, – проскрипел он.
  - Что?
  - Скажи правду, с кем ты там спала, пока меня не было?
  - Не поверишь – ни с кем. Глупо, я понимаю, но как-то не хотелось.
  - Не верю.
  - Я ж говорила. А ты? – зачем-то спросила я.
  - Что – я?
  - С кем ты спал в Питере?
  - Обязательно отвечать?
  - Ты сам начал.
  - С Танькой спал. С Наташей, с Лизой и Надей.
- Дыхание перехватило – ощущение спокойствия тут же рассыпалось.
- Вместе что ли? – бодрясь, продолжала я себя истязать.
  - Ну да.
  - А как это?
  - Да вот так. Грибов наелись и ебались втроем.
  - А с Танькой?
  - Она сама ко мне приходила начала.
  - Тебе она нравится?
  - У нее фигура на твою похожа. Сиськи похуже – а так похожа.
  - Буду считать, что это комплимент.

Я встала, оделась, взяла сумку.

– Ты что, Лен?

– Мне что-то нехорошо. Я хочу подышать.

Меня бросило в жар, наверное, снова поднялась температура.

Я вышла под морозящий питерский дождь и запрокинула лицо к тучам.

Я помню каждую нашу встречу, каждую деталь, все его фразы и запахи.

Я хочу впитать его движения и интонации, полуулыбки и полувзгляды, чтобы они остались во мне. Я готова покрыть свое тело татуировками из его слов, выполнять любые его прихоти. Прошло три часа, а я ни разу не перевернула страницу «Молота ведьм». Максим не замечает. Звонит телефон – он выходит на кухню. Смеется. Почему он не может общаться при мне? Опять, как он говорит, «одна знакомая». Очередная маленькая попытка. Я смотрю на него и сама себе удивляюсь – почему я не решаюсь ничего сказать? Сначала я пыталась говорить с ним, даже несколько раз удачно шутила. Удачно, потому что мне удавалось вызвать легкую ухмылку на его губах. Теперь не получается. У меня все время заплетается язык, я теряю мысль, поэтому могу объясняться только короткими фразами – да, нет, не знаю, ок. Он думает, что я идиотка. Мне хочется, чтобы он увидел меня с другими – как люди веселятся, когда я что-то рассказываю, как парни ищут общения со мной, как подруги уважают. Наверное, я и есть идиотка.

Навозная муха продолжает утробно жужжать, ей что-то мешает сесть.

У другого бы уже давно сдали нервы, и он бы гонялся за насекомым по комнате с мухобойкой. Максим в наушниках погружен в себя, не слышит, а мне все равно – я хочу посмотреть, что муха будет делать, когда окончательно выбьется из сил.

Прошел месяц после моей питерской поездки, когда Максим снова позвонил. Он сказал, что вернулся в Москву, и пригласил зайти, как ни в чем не бывало. Я сказала: «Ок». На самом деле он появился в тот момент, когда я собиралась ехать к нему и, если бы его не оказалось дома, лечь под дверь и ждать, пока он не придет. Было уже темно, когда я оказалась у него на пороге. В рюкзаке перекатывались баночки холодного чая. В квартире стояла густая влажность, хотя окна были нараспашку. Сквозь темные ветви деревьев мерцал Комсомольский проспект. В духоте сумерек то приближался, то удалялся комариный писк. Возле его головы замаячил комар – хлопок, Максим раскрыл ладони и элегантно снял мертвое насекомое. Я выставила банки чая на стол, Максим протянул руку: железный язычок шелкнул, выпустив шипение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.